

Петровский МОСТ

Литературный журнал

проза
поэзия
публицистика

2 / 2011

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

- Александр ВЛАДИМИРОВ. **Соловьиная ночь**. *Повесть* 10
Алексей КОЛЯДОВ. **Колокола души**. *Рассказы* 37
Анатолий МОРОЗОВ. **Родная кровь**. *Рассказ* 123
Александр ПОНОМАРЕВ. **В гости к другу**. *Рассказы* 131
Сергей ЛЕБЕДЕВ. **Почему не гаснут звезды**. *Новеллы* 147

ДРАМАТУРГИЯ

- Николай КАРАСИК. **В час испытаний**. *Драма в двух действиях* 64

ПОЭЗИЯ

- Леонид ШИРНИН. **«Мчится ветер отчаянной рысью...»**
Стихи 5
Николай ФИЛИН. **Штиль — не моя стихия**. *Стихи* 32
Геннадий РУДНЕВ. **«...Перед душой, растресканной до крови»**. *Стихи* 127
Владимир СМОЛЪЯНИНОВ. **«И звуки эха далеки»**. *Стихи* 143
Антология двух стихотворений.
Стихи Леонида РОГОЖНИКОВА, Ольги ДРОНОВОЙ,
Юрия ЖАРКОВА, Людмилы ИВКО, Елены НАУМОВОЙ,
Ольги СМИРНОВОЙ 151

НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

- Дмитрий НЫРКОВ. **«Жизнь была прекрасна...»** *Стихи* 156

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

- Полина МАТВИЕЦ. **Воспоминания сердца**. *Один из старейших липецких художников*. Виктор Слушник отметил 85-летний юбилей 160

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Сергей КИБАЛЬНИЧЕНКО. **Загадка «Человека»**. *Фридрих Ницше и мистическая поэма Вячеслава Иванова* 164

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- Виктор СТАКАНОВ. **Мозаика военного лихолетья**.
О новом сборнике рассказов Леонида Винникова 169

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗЕМЛЯКИ

Юрий РУДАКОВ. **Из славного рода Толстых** 189

ПУБЛИЦИСТИКА

Александра ТАМБОВСКАЯ.

Мы сохраним тебя, русская речь? 186

ДАЛЁКОЕ — БЛИЗКОЕ

Владимир КУРГАННИКОВ. **Звезда по имени Фирсов.**

История одной фотографии 172

Сергей КОВАЛЕВ. **Первый липецкий летчик** 177

КРАЙ НАШ ЛИПЕЦКИЙ

Виктор ЕЛИСЕЕВ. **Добринка — станция хлебная** 193

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Юрий МАКАРОВ, Ирина ШАТАЛОВА.

Ребятам о зверятах. Стихи 197

САТИРА И ЮМОР

Илья КРИШТУЛ. **Смерть подвижника** 199

Сергей КИБАЛЬНИЧЕНКО

ЗАГАДКА "ЧЕЛОВЕКА"

Фридрих Ницше и мистическая поэма Вячеслава Иванова

В 1910-е годы Вячеслав Иванов создает трагедию "Прометей" и поэму "Человек", наиболее полно выразившие его "мистическое мирозерцание". Объединяют их не только временные рамки, но и общая тема — отпадение Человека от Бога и возможные пути их воссоединения. Связывает оба произведения и нечто большее. Их создатель обращается к образам Эдипа и Прометей, привлекавшим еще Фридриха Ницше. Из его знаменитого трактата "Рождение трагедии из духа музыки, или Эллинство и пессимизм" Иванов почерпнул многие свои идеи. Ранняя работа Ницше — тот ключ, который поможет понять два наиболее сложных произведения писателя-символиста.

"Рождение трагедии" строится на многочисленных противопоставлениях, позволяющих автору более точно выразить свою мысль. Дионис и Аполлон органично дополняют друг друга. Зато два разных по своему духовному складу

человека — "дионисический" и "теоретический" — не могут мирно сосуществовать в одних временных рамках. Первый черпает жизненные силы в языческих мистериях, второй полагается исключительно на свой разум. Торжество одного из них означает гибель другого.

Ницше сравнивает между собой и двух близких ему по духу эллинских драматургов — Софокла и Эсхила. В каждом из них он видит не только поэта, но и "религиозного мыслителя". Под этим углом немецкий философ смотрит и на созданных ими героев — Эдипа и Прометей. Сопоставляя их, Ницше отмечает ряд противоположностей: пассивность и активность, святость и богоборчество. В то же время обоих героев объединяет общая черта — знание последних тайн бытия. Эдип наделён исключительной мудростью, позволившей ему разгадать загадку сфинкса. Но даже она не уберегает его от отцеубийства. Эдип делает всё воз-

можно, чтобы страшное пророчество оракула не сбылось, но только подталкивает роковую развязку. "Вся его сознательная деятельность и стремления" приводят лишь к "заблуждениям и к бедствиям". Осознав это, Эдип отказывается от деяний. В своем "чисто пассивном отношении" он достигает "высшей активности", "становится источником магической благодати для всего, что его окружает". Обретенная Эдипом сила не теряет "действительности даже после его кончины".

Прометей сознает, что каждый "неизбежно должен нести страдание" за "индивидуацию", другими словами – обособленное существование. Но он не отказывается от действий, а, наоборот, совершает самый дерзкий поступок, на какой только можно решиться. Герой желает сам стать "единым существом мира", заняв тем самым место Бога, что неизбежно влечёт его "на путь преступлений и страданий". Миф о Прометее, утверждает Ницше, выражает "мучительно неразрешимое противоречие" между двумя мирами – земным и небесным. Всё "лучшее и высшее" человечество "вымогает путём преступления и затем принуждено принять на себя... всю волну страдания и горестей", которую посылают на него "оскорблённые небожители".

Проследим теперь, как суждения и оценки Фридриха Ницше преломились в творчестве русского писателя. К мифу об Эдипе Иванов обращается в поэме "Человек". Но образ отцеубийцы расширяется до вселенских масштабов. Эдип символизирует собой Человека, усомнившегося в существовании Небесного Отца. Поставив героя эллинской трагедии на место Адама, поэт обогащает библейское предание новыми смыслами. Отрицая Господа, Человек превращается в отцеубийцу, который самовольно обожествляет сам себя. Соответственно переосмысливается и образ Иокасты – матери Эдипа, с кото-

рой он вступил в кровосмесительный брак. В поэме она становится символом женского начала мироздания, Душой Мира, не просветлённой Божественным Логосом.

Перенос эллинское предание на библейскую почву, Иванов не забывает и о своём предшественнике. Ницше видел в созданном Софоклом герое "исключительно страдательное лицо". Тем же качеством наделяет его и автор мелопеи "Человек". По версии Иванова, грехопадение Эдип совершает во сне, находясь в бессознательном состоянии. Поскольку катастрофа уже произошла на небесах, у Человека не было иного выбора, как соблазниться чарами Люцифера, представшего в образе своего женского двойника Лилит. В поэме, таким образом, выстраивается следующая цепочка. Вначале Люцифер, замыкаясь в гордой обособленности своего "я", отпадает от Небесного Отца. Затем то же преступление повторяет Человек, за что его наказывают изгнанием. Он лишается целостности, разделяясь на мужское и женское начало. "И с той поры я стал в себе двойной", – вспоминает о своём сне Эдип. Жёсткая последовательность действий в поэме объясняется тем, что устройство мироздания Иванов мыслил иерархически.

Многоуровневая модель грехопадения представлена и в трагедии "Прометей", где последовательность действий оказывается еще сложнее. Космогонический процесс начинается с того, что Сын Божий Дионис смотрит в зеркало. Отразившись в инобытии, его светлый лик искажается. Происходит это из-за того, что зеркало меняет местами стороны – правую с левой. На более низком бытийном уровне искажение лика Диониса мыслится как растерзание божественного Младенца титанами. Их сущность заключается в "разделении и взаимопротивлении", когда всякое "я" желает стать центром мироздания, поглощая и уничтожая все, что "не-я". Каждый из тита-

нов хотел бы наполниться Дионисом "для себя одного и в обособлении от других". Они еще не могут "слиться с ним целостно, в любви", а приобщаются "его светлому естеству путём насилия и космического преступления".

Зевс сокрыл в себе сердце растерзанного титанами Диониса, убийц же покарал, поразив их молниями. Из их пепла Прометей замыслил создать человеческий род. При помощи своей матери Фемиды Прометей извёл из самого себя женского двойника — Пандору. Тайнственному выделению жены из существа мужа соответствует создание Евы из ребра Адама в Книге Бытия. Кстати сказать, над этим же библейским мифом размышлял и философ Николай Бердяев, современник Вячеслава Иванова. В разделении Адама на мужа и жену он усматривал начало грехопадения. Пол, по мнению Бердяева, обозначает "раскол в целостном, андрогинном образе человека". Такое воззрение близко и автору "Прометей". В предисловии к трагедии он поясняет, что титан "начинает своё дело с внутренней схизмы и утверждения "дискретности" в себе самом, с раскола своей целостной полноты на два противоборствующих начала — мужское и женское". В этом и состоит Прометей "первый мятеж, первая вина". Как "первородный сын Зевса", Дионис обладает всей полнотой бытия. Именно в этом контексте следует рассматривать утверждение Иванова, что он "не женский только, но и мужеский бог". Раздробляя свое естество, Прометей искажает в себе образ "вечного Младенца". Это несовершенство передаётся и его детям, прообразом которых явилась Пандора. Создавая человеческий род, Прометей творит "себя в подобии смертном", как сказала одна из Океанид.

Растерзав Диониса, титаны совершают "космическое преступление", после чего начинается плестись "непрерывная цепь греха и возмездия". Создание Пан-

доры лишь одно из звеньев в этой цепи, причем не последнее. Люди, сотворённые Прометеем из пепла сожжённых Зевсом богоубийц, унаследовали двойственную природу. Они совместили в себе дионисийское и титаническое начала. Последнее из них проявляется во внутренней обособленности каждого индивида. В человека вложена искра божественного огня, но лик Диониса искажён титанической стихией. Как замечает Иванов, Прометей сотворил "двуполое и дробное множество, неравную и от колыбели междоусобную семью". Раздробив в человеке "андрогинный образ", его создатель усилил действие титанического начала.

Неудивительно, что совершённое Прометеем преступление оборачивается мятежом его "избранных", которым он вручил похищенный у богов огонь. Первым из рук "отца" небесный дар получил Архемор, любимец Прометей. Но Архат из ревности решается на братоубийство. Вместе с Каиновым грехом в мир входит смерть. Задыхается от быстрого бега Архат, в борьбе со львом гибнет Офельт. С ужасом Прометеевы чада узнают о своей грядущей участи. "О вождь! Мы все ль умрем?" — отчаянно вопрошает один из учеников. "Все ль, Прометей?" — переспрашивает второй. Третий избранник мятежного титана пытается вершить суд над своим создателем: "Ты, не спросясь, творил меня на гибель. / Гляди ж: я умираю, мой отец!". Обвиняя своего "отца", он пронзает себе грудь копьём. Ветхозаветная параллель, связанная с братоубийством, усиливается авторским комментарием, который Иванов предположил трагедии: "Если бы Каин не убил Авеля, Архат — Архемора, ближайшее подобие Диониса в семье чад Прометеевых, — кто знает, пришла ли бы смерть и как пришла бы в среду невинных?".

Избранники Прометей отличались от других своих братьев тем, что в них ярче горела искра небесного огня.

Но и они не выдержали испытания свободой. Остальное человечество находится на более низком духовном уровне, пребывая в плену у материальной стихии. Его заботы сводятся лишь к тому, чтобы земля дала обильный урожай. Фрагмент трагедии, посвященный сеятелям, соотносится с "Песней потомков Каиновых", опубликованной Ивановым в своём первом поэтическом сборнике "Кормчие звёзды" задолго до написания трагедии. Название стихотворения как нельзя лучше характеризует духовное состояние человечества, на которое легла вина за братоубийство. И уже на своём уровне "потомки Каина" совершают преступление. Соблазненные дарами Пандоры, они с лёгкостью предают своего создателя, позволяя двум демонам — Кратосу и Бие — надеть оковы на Прометея.

В понимании образа Прометея Иванов сходится с Ницше в том, что герой сознательно выбирает путь преступления. Только немецкий философ видит в эллинском мифе "оправдание зла в человечестве". Иванов мыслит иначе. Прометей "в решающие, зачинательные мгновения избирает мятеж как путь скорейшего изживания самости, ибо для его трагической мудрости равно священны крест добра и крест зла". Послушание, мыслит он, надолго сохранит сложившийся после преступления титанов миропорядок. Мятеж, наоборот, кажется ему наикратчайшим путём к искуплению. Насытившись свободой и связанным с ней грехом, люди, в конце концов, откажутся от ложного самоутверждения и восстаноят в себе целостный облик божественного Младенца. И тогда сердце Диониса вернётся с небес на землю, что будет означать искупление Диониса и созданных им людей.

Связь трагедии "Прометей" с идеями немецкого философа более очевидна, поскольку речь в ней идёт о Дионисе — эллинском боге, которого, по словам

Иванова, Ницше "возвратил миру". В "Человеке" античность отходит на второй план, уступая место библейским образам. Языческий мир не даёт людям надежды на искупление, такой смысл угадывается в следующем фрагменте:

*Играли сверстники на флейте,
Но звук гетей не веселил,
Когда Пришлец МЕТАНОЕИТЕ,
Взглянув на небо, возгласил.*

Евангельский образ детей, играющих на флейте, обретает дополнительный смысл. Вслед за Ницше поэт видел в музыке дионисийскую первооснову мироздания. Игра на флейте становится символом языческих мистерий, которые уже не веселят человека, услышавшего слово Христа. Пришлец указывает ему путь к духовному преображению — изменить свои помыслы, служить не миру, а Небесному Отцу. Такое прочтение "Человека" не исключает и иной трактовки. Дело в том, что мистическую религию Диониса Иванов сравнивал с "водосклоном, по которому все потоки бегут во вселенское вместилище христианства. Последнее приняло их в себя, но не смешилось с ними, как море не смешивает своих солёных вод с падающими в него реками". Христианство, полагал Иванов, явилось непосредственным продолжением эллинского язычества.

Логично предположить, что автор поэмы вовсе не отказывается от дионисийской темы. Присмотримся внимательнее к спору во второй её части, который ведёт со своим Творцом Человек. "Сущий Ты! А я, кто я, ничтожный?" — вопрошает он у Господа. В произнесённых словах нередко видят "поиск оснований для существования индивидуального "Я" перед величайшим фактом присутствия бытия Высшего" (Троицкий В.П. "Как наречёшь, так и обречёшь" // Вячеслав Иванов ~ творчество и судь-

ба. М.: Наука, 2002. С. 84). Но так ли это? У Иванова подлинным бытием обладает лишь Человек — соборная личность, объемлющая собой весь людской род. Для своего учения поэт-символист использовал даже специальный термин "монантропизм". В поэме эта мысль артикулируется предельно четко: "И как Душа Земли едина, / Так будет Человек един".

Вновь приходится вспомнить трактат "Рождение трагедии", из которого русский писатель почерпнул многие свои мировоззренческие идеи. Наибольшее влияние на Иванова оказала глубокая философская трактовка орфического мифа о растерзании Диониса, предложенная Фридрихом Ницше. Совершая своё преступление, титаны нарушают первоначальную целостность бытия. "Разорванный на индивидуиды" мир — это и есть Дионис, пребывающий в состоянии "раздробленного бога". Далее немецкий философ формулирует, пожалуй, самую важную мысль. Надежда посвящённых (эпоптов) связана с рождением "третьего Диониса", которое будет "концом индивидуации". Из последнего постулата прямо вытекает мысль, положенная философом в основу своей книги "Так говорил Заратустра": "Человек есть нечто, что должно превзойти". И далее Ницше формулирует главное понятие своей философии — "сверхчеловек". "Он для меня первое и единственное, — а не человек: не ближний, не самый бедный, не самый страждущий, не самый лучший", — утверждает философ.

Иными словами, человеческий род должен онтологически пресуществоваться, явив вместо себя сверхчеловека. Последний, по всей видимости, будет коллективной личностью, если учесть слова Ницше о "конце индивидуации". Поэтически ту же мысль выразил Иванов в своей трагедии. "Чтоб истлеть, / Посеян ты на ниву Геи темной", —

говорит Прометей одному из своих "избранников". О том же самом сказано в поэме "Человек":

*Увы! Поныне только люди,
Мы оттого не Человек,
Что чем теснее наши груди,
Тем святотатственнее век...*

Теперь остаётся ответить на последний вопрос: почему в мелопее "Человек", тесно связанной по своему идейному содержанию с "дионисийской" трагедией, не упоминается имя растерзанного титанами бога? Рискнём предположить, что место Диониса занял Человек. Оба они — Божьи Сыны, оба испытывают на себе "страдания индивидуации", в результате которой возникает человеческий род. Разница между отдельным индивидом и Человеком как соборной личностью в поэме закреплена графически. Первый из них пишется со строчной буквы, второй — с заглавной.

Как и Дионис, Человек объемлет собой весь космос и даже мир бесплотных духов — ангелов. Он, утверждает Иванов, "навек в себе замкнул" "лики всех стихий". Человек способен неискажённо отразить лик своего Небесного Отца. Он, как сказано о нём в поэме, "творец икон и сама икона". Последнее слово как раз означает способность Человека стать "живым зеркалом", которое целостно отразит образ Бога. В создании такого "зеркала" и заключается смысл космогонического и исторического процесса.

Мистическая поэма Вячеслава Иванова "Человек" содержит в себе много загадок, над которыми ещё долго будут ломать голову литературоведы. Отождествление Диониса с Человеком — лишь одна из них. И разгадать её помогла ранняя работа Ницше "Рождение трагедии из духа музыки, или Эллинство и пессимизм".